

УДК 947.07/08(470.62)

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2020-12-4-36-44>

Кандор Р.С.

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОСЛОВНОГО СТАТУСА ЧЕРКЕССКИХ ЭЛИТ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКИХ РЕФОРМ 60–70-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

Кандор Руслан Султанович,

*кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории
ГБУ РА «Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследо-*

ваний им. Т.М. Керашева», Майкоп, Россия,

e-mail: kandor.ruslan@mail.ru,

тел.: +7 (906) 438 59 89

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются итоги работы комиссии для разбора сословных прав горцев Кубанской области в Екатеринодарском и Майкопском уездах, когда после реализации крестьянской и судебной реформ на Северном Кавказе возникла необходимость определения официального статуса черкесских элит и приравнивания их к российскому дворянству. Видение этой проблемы со стороны российских чиновников Кубанской области и отношение к ней самих черкесских элит в пореформенный период всегда вызывает интерес у отечественных исследователей. Знание же позитивных и негативных примеров из исторического опыта внедрения реформ в различных этнических и конфессиональных сообществах России всегда актуально и имеет особое значение для воспитания будущих поколений россиян.

В статье раскрывается деятельность гражданских органов власти Кубанской области по сохранению спокойной обстановки в черкесских аулах и недопущению распространения беспорядков в Майкопском уезде, спровоцированных в самом начале работы комиссии для разбора сословных прав горцев.

Автор приходит к выводу, что гражданская администрация Кубанской области была против предоставления черкесским князьям и дворянам каких-либо привилегированных прав, предлагая оставить привилегированные сословия туземных народов Северо-Западного Кавказа в их настоящем на тот момент положении без изменений статуса, тем более и сами черкесские князья и дворяне Екатеринодарского и Майкопского уездов не торопились подавать прошения о признании их благородного происхождения.

Ключевые слова: Кубанская область, Екатеринодарский уезд, Майкопский уезд, черкесы, сословная комиссия, привилегированные сословия, беспорядки, начальник области, российское влияние.

Для цитирования: Кандор Р.С. К вопросу определения сословного статуса черкесских элит Кубанской области в контексте российских реформ 60–70-х годов XIX века // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2020. Том 12, № 4. С. 36–44. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2020-12-4-36-44>.

Kandor R.S.

TO THE QUESTION OF DETERMINING THE ESTATE STATUS OF THE CIRCASSIAN ELITES OF THE KUBAN REGION IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN REFORMS OF 1860–70S

Kandor Ruslan Sultanovich,

*Candidate of History, a leading researcher of the Department of History SBI RA «The Adygh Republican Institute of Humanitarian Research named after T.M. Kerashev», Maykop, Russia,
e-mail: kandor.ruslan@mail.ru,
tel.: +7 (906) 438 59 89*

Annotation

The article examines the results of the work of the commission for the analysis of the estate rights of the Kuban highlanders in the Yekaterinodar and Maykop districts, when it became necessary to determine the official status of the Circassian elites and equate them with the Russian nobility after the implementation of peasant and judicial reforms in the North Caucasus. Understanding the problem by the Russian officials of the Kuban region and the attitude of the Circassian elites themselves to it in the post-reform period always arouses interest among domestic researchers. Knowledge of positive and negative examples from the historical experience of implementing reforms in various ethnic and confessional communities in Russia is always relevant and is of particular importance for the education of future generations of the Russians. The article reveals the activities of the civil authorities of the Kuban region to maintain a calm situation in the Circassian villages and prevent the spread of riots in the Maykop district, provoked at the very beginning of the work of the commission to analyze the class rights of the mountaineers.

The author concluded that the civil administration of the Kuban region was against the granting of any privileged rights to the Circassian princes and nobles, suggesting that the privileged estates of the indigenous peoples of the Northwestern Caucasus should be left unchanged, even more both the Circassian princes themselves and the noblemen of the Yekaterinodar and Maykop districts were in no hurry to apply for recognition of their noble origin.

Keywords: the Kuban region, the Yekaterinodar district, the Maykop district, the Circassians, estate commission, privileged estates, riots, head of the region, the Russian influence.

For citation: *Kandor R.S. To the question of determining the estate status of the Circassian elites of the Kuban region in the context of the Russian reforms of 1860–70s // Vestnik Majkopskogo Gosudarstvennogo Tehnologičeskogo Universiteta. 2020. Vol. 12, No 4. P. 36–44. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2020-12-4-36-44>.*

Эволюция общественного строя и словного иерархического устройства народов Северного Кавказа всегда вызывали неподдельный интерес отечественной исторической науки. Научный интерес вызывают и подходы российских чиновников к определению в начале 70-х гг. XIX в. официального статуса черкесских элит, мнение российских властей

Кубанской области о возможном предоставлении им статуса российского дворянства после проведения крестьянской реформы и освобождения зависимых сословий. В связи с этим, научная тема, раскрывающая подходы гражданской администрации Кубанской области в начале 70-х гг. XIX в. к определению статуса черкесских аристократов и отношение к

этому вопросу самих черкесских элит, по праву может считаться актуальной для понимания выстраиваемого механизма вовлечения черкесских аульных обществ в политико-правовое пространство Российской империи.

Разумеется, тема формирования российских аристократических элит всегда была интересна историкам и рассматривается, например, в работе Д. Лиевена, который замечает, что в течение имперского периода российские политические и социальные элиты состояли в подавляющем большинстве из представителей наследственного дворянского сословия, в значительной степени русского в этническом отношении. При этом ученый указывает на то, что в российское дворянское сословие входило много ассимилированных дворян татарского происхождения. «Однако в течение имперской эры дворянство стало намного разнообразнее, – отмечает Д. Лиевен. – Это было отчасти потому, что нерусские подданные царей и иностранцы были облагорожены в русской военной и гражданской службе, семьи очень многих из этих военнослужащих стали полностью государственными по лояльности и русскими по культуре и языку» [1, р. 230]. В свою очередь, главной мыслью, которая пронизывает работы признанного отечественного этнолога И.Л. Бабич, становится признание большого значения для политического и культурного развития Северного Кавказа в XIX в. – вовлечение северокавказских горцев, главным образом местной военной и мусульманской духовной элиты, в общероссийское культурное и политико-правовое пространство. И укрепление российского влияния в северокавказском регионе, по ее мнению, достигалось использованием различных «рычагов» или инструментов, в том числе и в таких важных сферах горской жизни, как земельные и сословные отношения [2, с. 41]. Следует также обратить наше внимание и на научные труды Б.М. Джимова – одного из крупных отечественных специалистов по социально-экономическому

и политическому развитию адыгов (черкесов) в пореформенный период. Он рассматривает деятельность сословной комиссии в Кубанской области как один из способов совершенствования системы «колониальной эксплуатации горских крестьян» посредством обеспечения поддержки российской власти со стороны черкесской феодальной знати, родовые права которой должны были быть частично восстановлены [3, с. 138–139]. «Многие крестьяне, не находя выхода из тяжелого положения, стремились переселиться в Турцию, – отмечал Б.М. Джимов. – К этой форме борьбы присоединялись и представители феодально-родовой знати, служители мусульманского духовенства, недовольные самодержавием за ущемление их родовых прав» [3, с. 151]. И следствием такого нестабильного состояния адыгского общества стало массовое желание черкесов переселиться в Турцию, о котором говорит в своем исследовании С.Г. Кудаева, когда рассматривает этапы формирования черкесской диаспоры в Османской империи [4, р. 57–59]. Однако до настоящего времени отечественной исторической наукой не раскрыто в полной мере как отношение гражданской администрации Кубанской области к определению статуса черкесских аристократов Российской империи в начале 70-х гг. XIX в., так и отношение к этому вопросу самих черкесских элит. Кроме того, не раскрыта и роль гражданских уездных правлений, лично начальника Кубанской области в трудном процессе сохранения порядка и российского влияния на черкесские аульные общества Екатеринодарского и Майкопского уездов.

В ходе раскрытия проблемы автор следовал принципу научности и принципу объективности в проведении исследования, им был использован соответствующий широкий круг источников по истории адыгов (черкесов), включавший и большой объем архивного материала, предполагающий всесторонний охват исторических фактов по данной

проблеме. Существенную роль в исследовании проблемы играет и принцип историзма, позволивший рассмотреть деятельность сословной комиссии и органов гражданской власти Кубанской в динамике от фактических событий в конкретных исторических условиях в тесной связи с административной политикой государства до теоретических рассуждений об их причинах и последствиях.

По мере установления гражданского управления в Кубанской и Терской областях, наряду с поземельным вопросом, российским властям необходимо было решать и сословный вопрос северокавказских народов. В связи с чем в апреле 1871 г. распоряжением наместника Кавказского существовавшая до этого «Временная комиссия для разбора личных и поземельных прав туземного населения Кубанской и Терской областей» сложила с себя обязанности по ведению поземельных дел и была преобразована в «Комиссию для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей». Новая сословная комиссия определяла только размеры земельных наделов туземного населения по праву их происхождения, а составление списков лиц, достойных наделения земельным участком за служебные отличия, как и принятие окончательного решения по наделению кого-либо землей, предоставлялось начальникам Кубанской и Терской областей [5, л. 18].

Комиссия для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей предварительно произвела обширные исследования по изучению происхождения высших сословий северокавказских народов на основании доступных фондов архива Штаба Кавказского военного округа и сохранившихся народных сказаний и исторических преданий. Прежде всего члены комиссии старались опросить представителей высших сословий об их правах и положении в обществе, чтобы получить основания для разграничения сословий, определения базовых признаков каждого из них и степени зависимости одного сословия от

другого, выявления тех из них, которые могут быть признаны достойными соответствовать высшим сословиям Российской империи.

В октябре 1872 г. сословная комиссия в первый раз попыталась собрать и опросить депутатов от черкесских аульных обществ Екатеринодарского и Майкопского уездов для определения действительного положения и значения сословий. Однако начавшиеся в аулах Екатеринодарского уезда беспорядки вынудили российских чиновников перенести начало работы сословной комиссии на 20 апреля 1873 г., и к этой дате начальникам Екатеринодарского и Майкопского уездов необходимо было обеспечить прибытие депутатов от черкесских аульных обществ в ст. Лабинскую, где уже должна была к этому времени начать заседать сословная комиссия.

К этой же дате в комиссию для разбора сословных прав горцев Кубанской области начальником Майкопского уезда направлялись следующие депутаты:

– от кабардинских аулов – Хаджи Нагоев (а. Ходзский, из «высшего сословия»), Кундет Маргушев (а. Ходзский, из «высшего сословия»), Хатахжук Маготлев (а. Бенокский, из «среднего сословия»);

– от махашевских аулов – Батыр Тугов (а. Натырбовский, из «высшего сословия»), Пшемаф Хаучев (а. Натырбовский, из «высшего сословия»), Хаджи-Осман Трухов (а. Натырбовский, из «высшего сословия»);

– от темиргоевских аулов – прапорщик Айтек Болотоков (а. Темиргоевский, из «высшего сословия»), Хаджи Татаршао Догужиев (а. Адамиевский, из «высшего сословия»), Хаджи Пиюк Хачемизов (а. Хатажукаевский, из «низшего сословия»);

– от хатукаевских аулов – штабс-капитан Эдик Педисов (проживал на своем участке напротив ст. Кавказской, из «высшего сословия»), Хагоруко Князыров (а. Хатукаевский, из «высшего сословия»), Ту Ханаев (а. Хатукаевский, из «низшего сословия»);

– от абадзехских аулов (выбраны без разделения на сословия, так как все абадзехи считали себя равными в правах) – прапорщик Тугуж Хакуринов (а. Хакуриновский), Беч Меретуков (а. Хаджимуковский), Эльмурза Джанкятов (а. Джанкятовский), Хаджи Али Осман (выбран от а. Мамхеговского) [6, л. 15-15 об., 75-75 об.].

В свою очередь от черкесских аульных обществ Екатеринодарского уезда направлялась, может быть и не такая многочисленная, но не менее представительная делегация депутатов в составе: прапорщика Инат-Черия Султан-Гирея («хануко»-султан), корнета Заурбека Шабанова (бжедугский дворянин), Батчерия Хаджемукова (бжедугский князь), юнкера Али Ачмиза (шапсугский дворянин) и Исмаила Шаудженуко [6, л. 62].

Депутаты от черкесских аульных обществ, назначенные уездными начальниками Екатеринодарского и Майкопского уездов, появились в ст. Лабинской только 6 мая 1873 г. и пожелали дать лишь общие, уже известные комиссии сведения о сословном делении черкесского общества в прошлом. И несмотря на полученные от уездных начальников инструкции о необходимости полного разъяснения вопроса о сословных правах черкесов, депутаты от аулов Майкопского уезда категорически отказались давать какие-либо разъяснения по сословному вопросу, заявив, что аульные общества не уполномочивали их на это и более того запретили разъяснять что-либо о сословном делении своих обществ. При этом депутаты от бжедугских и шапсугских аульных обществ Екатеринодарского уезда постарались скорее покинуть ст. Лабинскую. «Екатеринодарские депутаты к вышеизложенному добавили, – писал председатель сословной комиссии коллежский асессор Д.С. Кодзоков, – что так как они отправились без ведома даже своих обществ, то они считают нужным объяснить оным возложенные на них обязанности и ответ обществ они сообщат в комиссию, причем просили

отпустить их как можно скорее, дабы не подвергаться неудовольствию их соплеменников» [6, л. 66 об.-67]. Из частных же расспросов, проведенных российскими чиновниками, стало ясно, что такое поведение депутатов было вызвано общим желанием бжедугов переселиться в Турцию. По мнению делегатов переселение произойдет сразу после того, как вернутся из Турции посланные туда уполномоченные делегаты от бжедугов. Несмотря на все уговоры председателя сословной комиссии, депутаты были непреклонны и продолжали твердить, что аульные общества не давали им никаких полномочий на разъяснения сословных вопросов. Князья и дворяне были крайне осторожны в вопросах сословных прав жителей черкесских аульных обществ и не желали давать ни малейшего повода для обвинений в свой адрес в нарушении присяги о равенстве прав членов аульных обществ [7, л. 229]. Только некоторые из депутатов от кабардинцев Майкопского уезда в личной беседе с председателем сословной комиссии коллежским асессором Д.С. Кодзоковым дали комментарии общего характера о некоторых кабардинских дворянских фамилиях, довольно формальный и неполный.

К тому же председателю сословной комиссии из частных бесед с адыгами (черкесами), приезжавшими в ст. Лабинскую, стало известно, что жителями абадзехских аулов Майкопского уезда была принесена присяга в верности и поддержке общенародного переселения в Турцию. На этих общенародных собраниях говорилось и о недопущении разделения народа путем закрепления разного сословного происхождения черкесских фамилий и присвоения им в связи с этим разных привилегий и прав. После уборки урожая абадзехи намеревались требовать от Российского правительства разрешения на выселение в Турцию, не сомневаясь в том, что турецкое правительство к тому времени уже даст свое согласие на это переселение [6, л. 68–68 об.].

Вместе с тем, начальник Майкопского уезда полковник Мамацев выявил самых активных противников сотрудничества с сословной комиссией. Ими оказались старшие абадзехские дворяне Келемет Унароков и Эльмурза Джанкятов. 17 мая 1873 г. полиции было приказано задержать последних в ст. Лабинской, но при поддержке трех своих друзей Келемет Унароков и Эльмурза Джанкятов сбежали от полиции и укрылись в а. Унароковском, окружив себя преданными сторонниками. «Не ограничиваясь приглашением в принятие присяги, названные подстрекатели, – писал полковник Мамацев, – успели внушить присоединившимся к движению аульным обществам и мысль, что Правительство, устанавливая для выезжающих за границу горцев взнос по 70 руб., имело в виду удалить лиц состоятельных и влиятельных и затем с остальными поступить по своему усмотрению» [8, л. 5 об.]. При этом, вновь предпринятые начальником уезда меры по задержанию Келемета Унарокова и Эльмурзы Джанкятова не увенчались успехом из-за того, что их всегда окружала толпа фанатичных единомышленников, вооруженных револьверами и шашками.

В начале июня 1873 г. значительная часть черкесских аулов Майкопского уезда уже была охвачена беспорядками, и полковник Мамацев вынужден был просить начальника Кубанской области о направлении конных казачьих сотен в Майкопский уезд для блокирования разъездами восставших аулов. Обстановка осложнялась и тем, что со дня на день ожидалось назначение нового начальника Кубанской области. И с прибытием в Кубанскую область нового начальника генерал-лейтенанта Кармалина ситуация резко меняется к лучшему и переходит под контроль российских властей. «По приезде моем в Кубанскую область, прежде всего, – отмечал генерал-лейтенант Кармалин, – я нашел необходимым познакомиться на месте с характером и размерами охватившего

часть горского населения области возмущения, и с этой целью, проезжая через Майкопский уезд, я заезжал в некоторые аулы, где склонил общество к выдаче главных подстрекателей и после этого предоставил уездному начальнику далее действовать для усмирения непокорных сообразно тому, как обстоятельства укажут» [8, л. 7 об.]. Такие открытые и решительные действия нового начальника Кубанской области, конечно же, произвели вполне определенное впечатление на жителей абадзехских аулов и подтолкнули их к началу переговоров с начальником Майкопского уезда.

В довершении всего, 4 июля 1873 г. полковник Мамацев приступает к энергичным действиям по подавлению беспорядков и с двумя ротами пехоты и четырьмя сотнями казаков подходит к а. Джанкятовскому. Окружив этот аул плотным кольцом казачьих постов и разъездов, полковник Мамацев обращается к жителям с предложением о выдаче российским властям дворянина Эльмурзу Джанкятова, старшего аульного эфендия и других эфендиев, которые все это время поддерживали в народе враждебное отношение к российской власти. Полковник Мамацев обращается к жителям аула с предложением об открытом судебном рассмотрении этого дела, и оно с готовностью было принято жителями Джанкятовского аула, а приглашение двух судебных заседателей – уездного народного Кадия эфендия Хасана Шовгенова и уважаемого всеми бывшего окружного народного Кадия, эфендия Майкопарова еще больше способствовало позитивному отношению к этому предложению жителей аула. Тем более дополнительно к этим уважаемым эфендиям от Джанкятовского аульного общества были направлены еще два доверенных заседателя. На следующий день, 5 июля приглашенные почетные эфендии прибыли в Джанкятовский аул и весь этот день провели в совещаниях между собой и в разъяснениях аульному обществу содержания упомянутых

положений Корана. Вечером жители аула, убежденные почетными кадиями в криминальном характере своих предыдущих действий, послали к полковнику Мамацеву своих доверенных лиц с сообщением о том, что Джанкятовское аульное общество прекращает общественный сход и расходится по домам, оставляя Эльмурзу Джанкятова с его сторонниками без защиты общества. Утром 6 июля 1873 г. Эльмурза Джанкятов и все аульные эфенди, подстрекавшие жителей к неповиновению российским властям, сами явились в полевой лагерь уездного начальника и после взятия под стражу были отправлены в Майкоп [8, л. 8]. Вскоре примеру жителей Джанкятовского аула не замедлили последовать в других абадзехских аулах. Всем подстрекателям беспорядков аульные общества отказали в своем покровительстве и защите, и те – в общем количестве двадцати девяти человек – были вынуждены сдать в руки начальника уезда.

Между тем, наместник Кавказский Великий князь Михаил Николаевич, ознакомившись с докладом председателя сословной комиссии, приказал факт отказа депутатов от черкесских аульных обществ Екатеринодарского и Майкопского уездов давать пояснения по сословному вопросу оставить без внимания и не производить какого-либо расследования по этому вопросу в тех обществах Кубанской области, которые уклонялись или в будущем могли бы уклоняться от предоставления сведений в сословную комиссию [6, л. 83–83 об.]. После этого комиссия для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей вынуждена была прекратить свою деятельность в отношении черкесских аульных обществ Екатеринодарского и Майкопского уездов Кубанской области. При этом генерал-лейтенант Кармалин высказал свое отношение к проблеме сословных прав черкесской элиты и к предложению сословной комиссии о необходимости законного признания

в достоинстве русского потомственно-го дворянства черкесских княжеских и дворянских фамилий. Начальник Кубанской области в своей докладной записке опровергал доводы сословной комиссии и указывал на незаинтересованность правления Кубанской области в предоставлении черкесским князьям и дворянам каких-либо привилегированных прав. Прежде всего генерал-лейтенант Кармалин указывал на то, что черкесы Кубанской области были наделены землей на общинном праве владения, и все черкесы остаются на положении свободных сельских обывателей на правах государственных крестьян Российской империи. «Горцы, достигшие чинов службою, сохраняют права, – отмечал генерал-лейтенант Кармалин, – присвоенные этими чинами лицам русского происхождения. На языке горцев и в частных сношениях не воспрещается именоваться: пше, мурза, бий, аха, маршани и прочее тем лицам, кои считают за собой, по преданиям, эти названия, ничего не выражающие на русском языке» [9, л. 7].

Начальник Кубанской области предлагал оставить привилегированные сословия туземных народов Северо-Западного Кавказа в их настоящем на тот момент положении без изменений статуса. Но самое примечательное – черкесские князья и дворяне Екатеринодарского и Майкопского уездов не торопились нести подписанные ими прошения в уездные правления о признании их благородного, дворянского происхождения или о приравнивании их к русскому дворянству. Они уже по праву рождения являлись потомственными дворянами и для черкесских привилегированных сословий, конечно же, был унижительным сам факт выпрашивания у российских чиновников документа, подтверждающего их благородное происхождение. И те немногие черкесские дворяне, которые получили такой документ, в народе в насмешку назывались «уорк-хафе» («уэркъ» – «дворянин»; «хьэфэ»

– «резина», т.е. «резиновые дворяне», от наличия оттиска резиновой печати в этом документе). Старшие черкесские князья и дворяне считали своим первейшим долгом всегда быть рядом со своим народом и следовать за ним. К тому же вопрос о правах сословий утратил с течением времени актуальное значение как для самих черкесов Кубанской области, так и для российских чиновников, которые все чаще правительственные преобразования в отношении горцев Северо-Западного Кавказа, независимо от их сословного происхождения, старались подчинить общим законам Российской империи. Например, бжедугские князья и дворяне, как, впрочем, и подавляющая часть привилегированных сословий других черкесских субэтносов смогли устоять перед соблазном рассказать сословной комиссии о былых владельческих

правах и своим благородным происхождением. И сколько бы им не льстили рассказы о былом верховенстве и величии их предков, они, конечно же, переступали через свою гордыню, потому что князья и дворяне тоже менялись вместе с обществом. Общественное спокойствие имело для них более важное значение, и они не хотели своими неосторожными действиями вызвать неудовольствие черкесских аульных обществ, в которых продолжали жить. И как ни пытались российские чиновники подтолкнуть депутатов к сотрудничеству с сословной комиссией, они продолжали стоять на своем и делали заявления от каждого черкесского субэтноса, удивительно тождественные по своему содержанию в отказе давать объяснения по сословному разделению черкесского общества в прошлом и настоящем времени.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Lieven D. The elites // The Cambridge History of Russia. Imperial Russia, 1689–1917. Cambridge University Press, 2006. P. 227–244.
2. Бабич И.Л. Деятельность Российского государства по включению горцев Северного Кавказа в общероссийское культурное пространство в конце XVIII – начале XIX века // Научная мысль Кавказа. 2008. № 4. С. 41–49.
3. Джимов Б.М. Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX в. Майкоп: Адыг. отд. Краснодар. книжн. изд., 1986. 192 с.
4. Kudaeva S. The Cicassian (Adyge) Scattering in the Countries of the Middle East: Theoretical and Methodological Approaches to Diasporality Studies (Based on the Example of the Classic Jewish Diaspora). Astra Salvensis – review of history and culture. 2018. № 12. P. 51–66.
5. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (далее – ЦГА РСО – Алания). Ф. 262. Оп. 1. Д. 1.
6. ЦГА РСО – Алания. Ф. 262. Оп. 1. Д. 22.
7. ЦГА РСО – Алания. Ф. 262. Оп. 1. Д. 23.
8. Государственный исторический архив Грузии. Ф. 416. Оп. 3. Д. 159.
9. ЦГА РСО – Алания. Ф. 262. Оп. 1. Д. 51.

REFERENCES:

1. Lieven D. The elites // The Cambridge History of Russia. Imperial Russia, 1689-1917. Cambridge University Press, 2006. P. 227–244.
2. Babich I.L. The activities of the Russian state to include the highlanders of the North Caucasus in the all-Russian cultural space in the late 18th – early 19th centuries // Scientific Thought of the Caucasus. 2008. No. 4. P. 41-49.
3. Djimov B.M. Socio-economic and political situation of the Circassians in the XIX century. Майкоп: Adyge. dep. of Krasnodar publ. house. 1986. 192 p.

4. Kudaeva S. The Cicassian (Adyge) Scattering in the Countries of the Middle East: Theoretical and Methodological Approaches to Diasporality Studies (Based on the Example of the Classic Jewish Diaspora). *Astra Salvensis – review of history and culture*. 2018. No. 12. P. 51–66.

5. The Central State Archives of the Republic of North Ossetia – Alania (hereinafter – CSA RNO – Alania). F. 262. Op. 1.D.1.

6. CSA RNO – Alania. F. 262. Op. 1.D. 22.

7. CSA RNO – Alania. F. 262. Op. 1.D. 23.

8. State Historical Archives of Georgia. F. 416. Op. 3.D. 159.

9. CSA RNO – Alania. F. 262. Op. 1.D. 51.